

Мы живем, точно в сне неразгаданном,
На одной из удобных планет...
Много есть, чего вовсе не надо нам,
А того, что нам хочется, нет...

/ Игорь Северянин /

Еще в детстве я понял: со мной что-то не так. Происходит со мной что-то. Сказал – вылетела из меня фраза, как пулеметная очередь из автомата известного оружейника, а потом... Ох, и вспоминать не хочется.

Не хочется, а надо... Надо, братец, надо...

Чтобы самому разораться...

Хотя бы попытаться...

А началось всё с обычного гриппа. Наверняка, грипп был не совсем обычный, раз в моей голове всё переместилось, и я стал... тем, кем стал.

Болея долго и тяжело. Температура зашкаливала, я метался по постели и бредил. Успокаивала ледяная ладонь матери на моем «шкварчащем» лбу. Удивляюсь, как материнская ладонь не опалилась от моего горящего, как включенный утюг, лба.

В основном я находился в бессознательном состоянии. Приходил в себя ненадолго и лишь для того, чтобы меня вывернуло наизнанку. У мамы всегда наготове был таз. Короткое возвращение в реальность происходило каждый раз после кошмара, увиденного во сне.

А снилось мне... Вы не поверите: Ледовое побоище на Чудском озере. Наши – ижоры, новгородцы и владимировцы под руководством всем известного Александра Невского - бесстрашно сражались с неприятелем – немецкими рыцарями Ливонского ордена. Наши, конечно, победили, но драка вышла страшной. О чем нам рассказала наша историчка, а учился я в то время в четвертом классе. Причем рассказывала она новый материал перед самой моей болезнью. Слушал я внимательно, шалить и отвлекаться уже не было сил – болезнь подступала, но пока дала о себе знать внезапно налетевшей вялостью. Вечером я свалился с гриппом. Но в голове засело Ледовое

побоище на Чудском озере, случившееся в далекие-предалекие годы – аж 5 апреля (по старому стилю, по юлианскому календарю) 1242 года. Но я так отчетливо все видел, будто был участником, причем не простым, а правой рукой Самого. Мне казалось – начальником Генерального штаба. Уверен, никаких начштабов в ту пору не было, но мне так привиделось.

Бились мы не на жизнь, на смерть бились. От напряжения и усталости я на миг возвращался в настоящее время, освобождал и без того пустой желудок и возвращался к своим. Возвращался не сразу, сначала шел какими-то закоулками, больше похожими на узкие улочки в Средней Азии. Жара была страшной, у меня горели голые ступни...

Странный выбрал маршрут – через Среднюю Азию... Называется: двинул «кратчайшим» путем...

И вот в один из дней легендарного побоища, когда неприятель был почти повержен, а я устало опустился на почему-то горячий лед, откуда ни возьмись появляется... нет, не русалка-морж – закаленная девушка с рыбьим хвостом, а сгорбленная старуха. Очень напоминающая бабу Ягу из сказок. Прет на меня танком, при этом зло щурится и указательный палец на меня наставляет, как будто собирается меня им проткнуть, как штыком. А ручки старухи грязные. В саже, наверное, испачканы. А ногти длинные-предлинные и острые-преострые. И заворачиваются, как у хищной птицы. Не скажу, что сильно перепонтовался, но порядком струхнул. Сердце в груди так и зашлось. В общем, подошла ко мне сгорбленная старуха, ноготь свой к моей груди приткнула, совсем не больно, даже щекотно, и говорит скрипучим, как старое дерево, голосом:

- Ай, да мОлодец, ай да везунчик! А того ты не знаешь, мОлодец, что надо отрабатывать свое спасение!

Поскребла ногтем по голой груди (не знаю, куда рыцарские доспехи делись), а после принялась перед моей физиономией ужасным пальцем качать, как маятником. Я невольно стал следить за пальцем, чтобы в случае чего... избежать одноглазия. Так мы и «общались», молча. Разница в том, что я пребывал в ступоре, а старуха совершала маятниковые действия: грязным указательным пальцем туда-сюда водила.

Покачала-покачала, затем у нее опять звук прорезался, причем звук этот, как у испорченного телевизора – хрипит и варьирует по тональности:

- Ты, мОлодец, заруби на своем курносом носу: что тебе дано, дано не зря. Правильно им распорядись!

И опять поскребла ногтем по моей голой груди, я закашлялся. Кашлял долго, натужно, чуть голова не разломилась на части, как выпавший из рук арбуз. Со мной такое было. Прошедшим летом. Я не про голову, про арбуз, естественно.

Я вспомнил лето. Каникулы. Беззаботное время.

В мгновение ока перенесся из тринадцатого века в наше время, в лето. Катаюсь я, значит, на качелях, мне весело. Весело и беззаботно. И легко. Так легко мне никогда не было. Я раскачиваюсь сильнее и сильнее, делаю целый оборот - «солнышко» делаю, застывая на пару секунд в верхней точке. В голову приходят мысли о космосе. Я хочу стать космонавтом. Это желание приходило ко мне лет в пять, но быстро ушло. Потом захотелось стать комбайнером. По телевизору постоянно рассказывали об успехах наших хлеборобов, их награждали медалями и орденами. Герои...

Мои мечты о будущем чередовались чаще времен года. Пока я находился в поиске. Времени было навалом – всего-то одиннадцать лет...

Когда я очнулся, мама тотчас сунула мне под нос таз. Я взглянул на нее с непониманием и сразу переключился на окно. За окном снег валил стеной, ни зги не видно. Я принял снег за тополиный пух – лето ведь, но быстро опомнился. Я вспомнил все: что на улице февраль, что в школе идет без меня третья четверть, сама длинная по продолжительности, что я достаточно долго не посещаю занятия по причине тяжелой болезни. И старуху тоже вспомнил. Причем так отчетливо она встала перед глазами, что я содрогнулся. А мама спросила жалостливым голосом:

- Тебе плохо, сынок?

И положила ладонь мне на голову. Ладонь не показалась мне ледяной.

- Пить хочется, - прохрипел я почти так же, как старуха из моего бреда.

Мама протянула мне стакан воды, я осушил его залпом. Соловело посмотрел на маму, лег и уснул. Без всяких сновидений, в том числе и кошмарных. Важное уточнение.

Последнее, что я услышал, были слова моей матери:

- Теперь он пойдет на поправку...

О старухе я пытался забыть. Не скрою, она иногда, редко, посещала меня во сне. И всегда в периоды легких заболеваний. Встречи происходили у нас в квартире, точнее – в моей комнате. Старуха - баба Яга – присаживалась на край моей кровати и принималась глубоко вздыхать. Сидит и вздыхает. Спрашивается, зачем пришла? Другого места не нашла для дыхательной гимнастики? Или заявила выразить свое недовольство? Чем недовольна?..

Точно недовольна, раз вздыхает. При этом я отчетливо слышал, как сильно клокочет что-то у нее внутри во время вдоха-выдоха.

Перекрытые пальцы противная старушенция держала на коленях, от меня подальше. И то слава Богу. Но пальцами поигрывала, как будто пугала. В мою сторону старушенция почти не смотрела. Не сказав ни слова, уходила... в шкаф. Откроет дверцу, скрипнет, зайдет в шкаф и дверцу за собой прикроет. Опять скрипнет.

После пробуждения я каждый раз изучал то место на кровати, где моя гостья присаживалась. Никаких отметин. Вообще, ни следа. И простыня оставалась кипельно-белой. Я считал, что после этой грязнули обязаны остаться следы ее пребывания. Никаких.

Вспомнить страшно, каких невероятных усилий мне стоила проверка шкафа. Я долго себя уговаривал, настраивал, подбадривал, после чего... звал маму и просил отыскать в недрах шкафа мои... брюки, к примеру, или свитер. Все равно, лишь бы мама влезла в шкаф. Сам я наблюдал на расстоянии четырех метров, дальше некуда – длина моей комнаты. Выйти и оставить мать одну я не мог. Но не знал, смогу ли прийти ей на помощь.

При виде старухи я всегда цепенею.

Я забывал, что старуха приходит к мне во сне, чаще в болезненном бреду. Мне казалось, что наши встречи происходят наяву.

Мама находила в шкафу только мои вещи, мною затребованные. Никакой непрошенной сгорбленной гостьи там не было...

После гриппа я, на радость родителям и на свою в том числе – болеть мне ужасно надоело, даже в школу захотелось, - не получил никакого осложнения, хотя, в ту пору основная часть грипповавших переходила к следующей стадии – сваливались с воспалением легких. Об этом маме сообщил участковый педиатр, участливая молодая женщина, часто навещавшая меня во время болезни. Она запретила нам являться в

поликлинику, когда я пошел на выздоровление, чтобы мой «организм с ослабленным иммунитетом» не подхватил еще какую-нибудь заразу и не пошел по второму кругу.

Благодаря врачихе, а главное – заботам моей мамы, я выздоровел окончательно и, наконец, пошел в школу, где мои одноклассники приняли меня с распростертыми объятиями, даже недруги. Оказывается, моя болезнь обросла нелепыми слухами: мне скоро каюк, потому как болезнь неизлечимая, неведанная болезнь, в связи с чем методов лечения пока нет, как и необходимых медикаментов. Половина класса тоже переболела гриппом, но в более легкой форме. Все ребята давно оправились и забыли. С нетерпением и опаской ждали меня. Один болтун пустил слух, что у меня вырастут уши и нос. Меня осматривали, щупали уши, нос, после чего набрасывались с кулаками на болтуна. Тот рыготал и отмахивался: уж, и повеселиться нельзя! Что за люди – юмора не понимают!..

Впервые ЭТО со мной случилось первого апреля. В тот же год, в год, когда я переболел гриппом.

На улице ярко светило весеннее солнце, птички чирикали, зеленая свежая травка ковром устилала влажную землю. Портил впечатление сильный ветер. Порывы ветра срывали шляпы с голов прохожих, болтали полы длинных, модных в то время, пальто с широченными плечами, отчего люди казались несуразными из-за мельчайших голов, несоразмерных плечам. Модницы носили шляпы «а ля мужские», приходилось играть в догонялки – бегать за своими головными уборами, позаимствованными весенним ветром-шалуном.

Первого апреля мы пошли в школу, весенние каникулы закончились. Чему мы, школьники, были совсем не рады, раздосадованы мы были. Тем более, всю каникулярную неделю лил дождь, а сегодня, первого апреля, солнце вспомнило о своей миссии по прогреванию земли и по важной роли в улучшении настроения граждан, и выкатилось из-за горизонта. Учиться совершенно не хотелось. Хотелось гонять мяч или болтаться по улицам без дела, шутить, смеяться, балагурить – выпендриваться перед девчонками.

Мы договорились быстро выучить уроки и встретиться на школьном дворе.

Сначала я спешил домой, чтобы расправиться с уроками и бежать на школьный двор, но мой шаг постепенно замедлялся. Погода не располагала к

спешке. Надо любоваться, вдыхать свежий приятный воздух, млеть и глупо улыбаться без всякой причины. Причина была – весна!

У меня болел живот от смеха. Наржались мы в школе по-черному. Все-таки, первое апреля, день смеха. Каждый изощрялся, как мог. Конечно, победили не «белые спины», а любовные записочки от ложного отправителя к правильному адресату. Девчонки всё понимали, не обижались и писали ответные «признания». А там поди, разберись – правда это или нет, всего лишь шутка по поводу дня смеха. В каждой шутке есть... сами знаете что.

Я тоже получил признание в любви от одной одноклассницы, которая, скорее всего, ни сном, ни духом. Когда я разворачивал записку, то заметил излишнее внимание другой одноклассницы, из-под руки которой записка, что скорее всего, и вышла. Ей я и ответил. Причем от своего имени – изобразил из себя величайшего детектива – мол, без труда ее раскусил.

И признаюсь – мое послание было чистой правдой. В смысле, в ту пору я был в нее влюблен. Но очень смеялся, когда она читала записку. Прямо падал на парту. А потом сделал лицо «а ля влюбленный Пьеро». Не забыл бровки домиком сложить. Исстрадался весь от любви. Мой смех девочку раздосадовал, хотя, она старательно не подавала вида. Но «Пьеро» ее успокоил, она принялась закусывать губы – «страдать». Я «вырывал из груди сердце» и бросал в ее сторону. Она ловила, поигрывала, как жонглер мячиком, после чего возвращала мне.

И согласилась прийти на школьный двор...

Я шел и мечтал. И радовался такому приятному во всех отношениях дню: то, чего не положено делать в остальные триста шестьдесят четыре дня, допустимо совершать первого апреля.

А тут еще несется из всех проезжающих автомобилей «один раз в год сады цветут, весну любви один раз ждут...» Это Анна Герман. Или: «...а мне все кажется, а мне все кажется, что вдруг ты скажешь первое апреля». Это Валерий Ободзинский. Откуда я знаю этих исполнителей? Моя мама их обожает, постоянно слушает. Ей по «наследству» перешла любовь к ним от ее матери, моей бабушки.

Один раз в год... А мне все кажется, а мне все кажется...

С ума сойдешь, честное слово...

Заранее знал бы, от чего можно сойти с ума, не обращал бы внимания на безобидные песнопения...

Еще издали заметил тетку. И как ее не заметишь, если она разбрасывает встречный поток прохожих на две половины. Почему-то тетке хотелось идти по встречной полосе, как будто она перепутала нашу страну с Великобританией или Австралией, где «не все, как у людей», как любит говорить моя мать. У них все шиворот-навыворот. Или у нас, по их мнению. Одним словом, тетка завладела моим вниманием, отвлекла от мечты.

Чтобы не попасть «под раздачу», я сошел с «дистанции».

Еще минуту назад все мысли были заняты объектом моей любви, теперь я наблюдал за незнакомой теткой с неподвижным отрешенным лицом. Тетка явно пребывала в другом месте.

Я не знаю, почему ее окликнул. Причем так громко, что тетка, ничего не слышащая и никого не видящая – это я понял сразу, вдруг затормозила и повернула голову в мою сторону. Сначала смотрела на меня, как на пустое место, затем взгляд стал более осмысленным. Когда я осознал – меня видят и слышат, произнес проникновенным голосом:

- Не волнуйтесь, все будет хорошо... с вашей дочерью.

Фраза вырвалась из меня неожиданно, я сам не ожидал. Думал, сейчас она меня хрястнет своей тяжелой сумищей и будет права. Не хрястнула. Только изменила равнодушие на восхищение: смотрела на меня, как на произведение искусства в музее. Но недоверие, пусть чуть-чуть, тоже просматривалось. Я боялся наводящих вопросов. Потому что не знал ответов. Не было у меня их. И дочь я ее не знал. Как и ее саму. Никогда не встречал.

Мы стояли друг против друга. Поток людей нас обтекал. Никто не высказывал неудовольствия, интереса мы тоже не вызывали.

Я не мог уйти. И не потому что ноги приросли к земле или искал слова для извинений, я чувствовал, что не до конца исполнил свою миссию. И снова пришло озарение.

- У вашей дочери родится сын. Здоровый хороший мальчик. Все будет хорошо.

И тут тетку прорвало. Она рассказала, что ее дочь три дня находится в роддоме, врачи что только не предпринимают, младенец не желает появляться на свет. А кесарево сечение делать нельзя, потому что совсем недавно родила первенца, девочку. Прошло чуть больше года. Ей говорили врачи повременить, а она – рожу и все! Хочу второго ребенка!..

Многие слова я слышал впервые, многое не понимал. Но был уверен, что молодая женщина благополучно разрешится от бремени.

Со стороны казалось странным, что взрослая женщина и малолетний пацан разговаривают о вещах, которые одиннадцатилетнему ребенку недоступны.

Но никого наш диалог не удивлял. Мне показалось, что мы с этой женщиной находимся вне этого мира, что нас никто не видит. Мы с ней в параллельном мире.

Женщина повеселела. Ничего не уточнила, только спросила, как меня зовут – хочет внука в мою честь назвать.

- Даже не знаю, - промямлил я, растеряв свою уверенность.

- Не тушуйся, - подбодрила меня тетка.

- Валериан, - наконец, признался я. Не Валерий, Валерка, как называли меня родные и друзья, а по форме – Валериан, как написано в свидетельстве о рождении. Так родители пожелали меня назвать. Но очень редко ко мне так обращаются. Только перед тем, как должна грянуть буря. И я об этом знаю – сейчас грянет. Тем более, есть за что.

- Значит, будет у меня внук Валериан. Будь здоров, мальчик Валериан. Храни тебя Бог...

Я пошел своей дорогой, тетка – своей. Теперь она заняла «положенную полосу», - пришла в себя. Чему я был несказанно рад. Оставалось надеяться, что мои слова не будут пустыми...

Мне захотелось убедиться, что у меня открылся «третий глаз», что я, после тяжелой болезни и посещения старухи, говорившей загадками, стал прорицателем.

Теперь я не мечтал, я выискивал жертву.

Мое внимание привлек пожилой мужчина. Наверное, ему было лет пятьдесят. Но мне-то – одиннадцать: потому и пожилой!

Дядька размахивал портфелем и пялился на улыбающихся женщин.

- Дядя, - твердо произнес я, миновав его: увы, запоздал с обращением.

Дядька резко развернулся и охнул, при этом схватился за поясницу.

- Чего тебе, мальчик? – страдальческим голосом спросил он.

- Уже ничего. Хотел вас предупредить, чтобы берегли спину. Могут возникнуть проблемы.

Дядька со словами «он еще и издевается» огрел меня по спине своим увесистым портфелем. И поделом – держи свои предсказания при себе.

Я не обиделся.

- 1 : 1, - сообщил я страдальцу с искренней улыбкой и поспешил улизнуть, чтобы счет не изменился в его пользу.

Действительно, я был счастлив, несмотря на ощутимый удар по спине: значит, в случае с дочкой растерянной тетки я тоже окажусь прав...

И в этом я убедился спустя два месяца.

Ровно через два месяца, первого июня, я встретил мою знакомую тетку. Она катила перед собой коляску с внуком, которого назвали в мою честь Валерианом, меня в этом уверяли. Рядом семенила крохотная девчушка.

Тетка прошла мимо, не узнала меня. И не надо. Свое дело я сделал – предсказал ближайшее будущее и успокоил мать роженицы. Мне лавры не нужны...

Неожиданная встреча случилась позже. А до начала летних каникул долго тянулась четвертая четверть, во время которой я стал звездой школы.

Пришлось размениваться по мелочам.

Я угадывал оценки одноклассников, за что мне ни раз хотели набить морду – можно подумать, в плохих оценках была моя вина. Морду не били – у меня нашлось много защитников.

Я легко находил ответы на вопросы: будет ли контрольная по математике, спросит ли литераторша стихотворение, а то «я плохо выучил» и так далее, по мелочи. Были и личные вопросы интимного характера: ответит ли мне взаимностью Клава Петрова или не надо тратить на нее время, а сразу переходить к Тане Белкиной, которая давно строит глазки.

Ответы не всегда приходились по вкусу, но никто не дискутировал.

Я очень изменился. Стал посматривать на учеников нашей школы свысока, включая старшеклассников, которые тоже обращались ко мне за советом.

Вполне вероятно, со стороны походил на старого мальчика – успевшего за короткий срок много повидать и устать от жизни.

Я заскучал. Ничего сверхвыдающегося не происходило...

Не знаю, о чем думает достаточно взрослый человек, который двадцать пять лет ходит на одну и ту же работу и занимается одним и тем же делом, лично мне кажется, что ежедневные однообразные занятия укорачивают жизнь. Никогда не поверю, что человек счастлив. Если нет разнообразия, то нет и счастья. Можно разбавить однообразие отпуском, можно разбавить культмассовыми мероприятиями на протяжении трудового года, но всё это – и отпуск и мероприятия – быстро затмит наевшая оскомину работа. Уволиться и попытаться счастья в другом месте? А он ничего другого делать не умеет. И учиться уже поздно. Или лень.

- Учиться никогда не поздно, - скажет любой, неленивый.

Согласен. Не уверен, соглашусь ли с этим лет через сорок, когда мне будет за пятьдесят... Глубокий старик, о-хо-хох...

К чему я завел эту детскую философию? А к тому, что я не чувствовал себя счастливым. Хотя и был известной фигурой в школе. Нет, масштабы меня не давили. Хотелось чего-нибудь более значимого, чем глупые ответы на мелкобуржуазные вопросы...

Однажды я привычно двигался в сторону своего дома. Иду я по улице, без интереса смотрю на мир – отчаялся искать себе жертву, и вдруг... обалдел от увиденного. И разве не обалдеешь от такого.

Ветреная выдалась в тот год весна. Это для заметки.

Мне навстречу идет мужчина. При костюме, при галстукe. Все при нем, в общем. Представительный такой. Опять же модный портфель под «крокодила», только цвет невзрачный – серо-буро-малиновый. Идет себе идет, в ус не дует, внимания не привлекает. Ветер заигрывает с его чубом, подбрасывает галстук и бросает в лицо. Вызов своего рода.

Но мужчину так просто не проймешь. Тогда ветер усиливается и срывает с него скальп. От меня до мужика метра два, не больше. Я охнул и едва не сел на пятую точку. И что вы думаете произошло с пострадавшим? Рухнул наземь без признаков жизни? Не тут-то было. Подхватил свой оторванный скальп и прихлопнул к голове.

- Дядя, - начал было я, но дядя приложил указательный палец к губам и как ни в чем ни бывало пошел своей дорогой, но шаг прибавил.

Я проводил его ошарашенно-глупейшим взглядом и прошептал:

- Ничего не понимаю.
- А тут и понимать нечего, - вклинилась в мой миниатюрный монолог бойкая девица, шедшая под ручку с бабулей.
- Всё молодится и молодится, - вставила свое слово бабуля, по всей видимости имея в виду мужчину.
- Нашлепка из волос у него на голове, нашлепка! – повысила голос девушка. – Сосед это наш, - пояснила она, тут же понизив голос, вышло доверительно, как будто открывала мне тайну века. – Лысый он, понимаешь. И считает, что лысина его старит.
- Все за девками молодыми волочится, - прошамкала бабуся.
- А ты испугался? – заботливо поинтересовалась девушка.
- Я? Н...нет, - неуверенно пробормотал я, медленно приходя в себя. И с чего я решил, что у мужика ветер сорвал скальп.
- Людка, надо парнишке воды дать, - приказала бабуся девушке, как оказалось, Людке. – Ишь, белый, как стена.
Людка достала из сумки бутылку с водой и протянула мне со словами:
- Попей, полегчает.
Я приложился к бутылке. Незаметно осушил всю воду. Мне полегчало. Облизал губы и осмысленно посмотрел на девушку.
- Вам не надо выходить за него замуж, - вырвалось у меня. Естественно, молодящийся джентльмен не входил в круг моего интереса, говорил о совершенно другом мужчине.
Людка застыла с открытым ртом, а ее сообразительная бабуся меня поддержала:
- А я тебе что толкую! – И стукнула ее, любя, по лбу худым кулачком. – Не пара он тебе, не пара!
- Он меня любит, - привела весомый довод Людмила, не отводя от меня хмурого взгляда.
- А вы? – обнаглел я.
- Я... его... люблю позже. Придет любовь... Обязательно... Я так думаю...

- Если до той поры он вас... - Я не договорил. Перед глазами запрыгали красные пузыри, очень похожие на обычные мыльные. Кровавые мыльные пузыри.

- Ты хочешь сказать...? – Людка тоже не договорила. Мы, два чужих человека, даже не успевших толком познакомиться, друг друга понимали с полуслова.

- Он представит... всё, как самоубийство... В ванне... Ваш избранник болезненно ревнив, - сумбурно выразился я.

Девушка ловила каждое мое слово. Надо признать, держалась молодцом.

Я удивлялся на себя: откуда у меня брались такие «взрослые» слова? Как будто говорил не я, а кто-то внутри меня, более мудрый... Подсказчик.

- Да, он очень ревнив, - кивнула Людка. С виду осталась безразличной, неизвестно, что происходило у нее внутри. Однако, девица с завидной выдержкой. За карточным столом ей цены бы не было.

- Ревнив, - повторил я убедительнее прежнего, словно со мной кто-то спорил, а я пытался отстоять свое мнение.

- Именно его болезненная ревность меня останавливает дать согласие на брак...

- Как же, останавливает, - всплеснула руками бабуся.

- Ба, да погоди ты! – взвилась внучка. – Ты слышала, что сказал этот мальчик?! Мне грозит серьезная опасность...

- Я и без мальчика тебе об этом говорила!

- Говорила. Но я не могла подумать, что... - Людка не решилась озвучить будущее, мною предсказанное, но не досказанное. – И что же мне делать? – задалась она вопросом. Не в пустоту, не к бабушке обратилась, а ко мне. Почему-то сразу прониклась ко мне доверием. Наверное, я производил впечатление ясновидящего, хоть и был «от горшка два вершка».

Вот почему мне сразу верят люди?! Что во мне такого? Чем подкупаю их?

Хм, ясновидящий...

Может быть, все дело во взгляде?

Я никогда не видел своего отражения в зеркале во время своих предсказаний. Интересно бы посмотреть...

- Так что же мне делать? – повторила Людмила. – Просто так я от Игната не отделаюсь.

- Тебе надо уехать, - нашла ответ бабуся. Видимо, внучка слышала эти слова много раз, потому тотчас скривилась.

- А вы знаете человека по имени... Ва...

- Ваня? – спросила Людка.

- Василий? – уточнила бабушка.

- Валерий? – принялась перечислять Людка.

Бабушка призадумалась – закончились мужские имена с первым слогом «ва».

- Варфоломей? – показала свое преимущество внучка.

- Это не имя, это фамилия, - задумчиво протянул я. Пораскинув мозгами и посоветовавшись с подсказчиком, повторил попытку, - вы знаете человека по... фамилии, - уточнил я с нажимом, - Васнецов?

- Художник, - подхватила бабка. – Я знаю! Он «Трех богатырей» нарисовал!

- Картина называется «Богатыри», - поправила ее внучка и не успокоилась на этом, - и не нарисовал, а написал. Васнецов множество известных полотен написал. И «Девочка с персиками», и «Аленушка», и «Опять двойка»... По последней картине мы в школе часто писали сочинения. Честно говоря, у меня не очень получалось. Краткость – сестра таланта. «Лить воду» не имею. Но мы отвлеклись. Ты о каком Васнецове говорил, мальчик?

- Вам лучше знать, - передернул я худыми плечиками, обтянутыми форменным пиджачком.

- У меня нет знакомых с фамилией Васнецов... Так мне кажется... Хотя, постоялка... Был один. Он с нами до восьмого класса учился, потом в художественное училище поступил. Он очень хорошо рисовал, потому его прозвали Васнецовым. На самом деле, его фамилия... Господи, как же его фамилия?! Ба, ты должна помнить! Он часто ко мне приходил, еще конфеты приносил. Всегда был вежлив, совсем непохож на других одноклассников.

Мне показалось, что девушка лукавит. Причина лукавства мне пока не ясна.

- Я не помню, - дерзко высказалась бабуся, что тоже мне показалось подозрительным.

- Ну, как же не помнишь! Ты была хорошо знакома с его матерью, вместе нас из школы забирали в начальных классах... Нам было по дороге... А недавно ты мне рассказывала, что случайно столкнулась с ней на улице. Вспомнила?
- Не помню я, - уперлась без видимой причины бабка.
- Ба-буш-ка, - недобро протянула внучка. – Ты явно что-то скрываешь, давай, выкладывай.
- Курочкин его фамилия. А зовут Валентин, - буркнула бабуля. Недолго выкаблучивалась.
- Значит, я не ошибся, - вставил я. – Валентин Курочкин. Все-таки имя начинается на слог «Ва».
- Не нужен он нам, - отмахнулась бабка. – Я всегда тебе говорила – не нашего он поля ягода! А ты? Он мне нравится! – покривляла бабка внучку. – Господь пожалел, отвел его от тебя.
- Да чем он так плох?! Хороший воспитанный мальчик, живописью увлекался, подавал большие надежды.
- Что это за профессия – художник?! – скривилась бабка. – Разве это профессия для мужика?!
- Глупости ты говоришь, бабушка, причем сама это отлично понимаешь.
- Я многое что понимаю... И кое-что знаю.
- Ты прям секретный физик, - фыркнула внучка.
- И ничего не секретный. Скрывать не собираюсь, что твой Васнецов разлюбезный схлопотал срок! Поняла? Сидел он! Два года си-дел. За какие-то махинации... Мошенничество, пусть и не в больших размерах, но все же.
- Откуда ты знаешь? Мать его рассказывала?
- Она сказала, что сына приговорили к двум годам колонии-поселения. Слово в слово тебе повторяю. Отсюда я сделала вывод, что не сильно нажульничал. Но мать утверждает, что сын невиновен, что его оклеветали. Так я ей и поверила. Что еще родная мать может сказать про сына?!
- Всякое бывает, - сдержанно прокомментировала Людмила, косо поглядывая на меня – хотела услышать мое мнение.
- От тюрьмы и от сумы не зарекайся, с каждым может произойти, а с творческими людьми и подавно. Они не от мира сего. И доверчивы, как малые

дети, - словоохотливо высказался я. Не знаю, успокоил ли я девушку, но она повеселела.

- А почему ты заговорил о Валентине Курочкине? – вернула девушка разговор в нужное русло.

- Он ваша судьба. Он ваш спаситель.

- Звучит как-то высокопарно, - проямлила Людка с явным недоверием к моим словам.

- Вы мне не верите? Ваше право.

- Мой нынешний жених два метра ростом, косая сажень в плечах, а Валентин... ему не чета... Как же он сможет меня защитить? Увезет и спрячет? Но я не хочу покидать свой город. У меня здесь бабушка. У нее, кроме меня, никого нет... Да, Валя мне нравился, даже очень... Но когда это было... И он ушел из школы и забыл меня. В то время его семья перебралась на другой край города... Если бы он хотел меня увидеть, он бы...

Я знал, что ответить Людмиле: в любовных делах была замешала ее бабушка, которая в данный момент напряженно поглядывала на меня. Я не собирался их ссорить, не хотел ворошить прошлое. Что было, то прошло, надо будущее корректировать. Свое мнение я высказал. Людка меня услышала. Следующий ход за ней. И за неизвестным мне Валентином Курочкиным...

Я встретился со своей знакомой через много лет. И сразу ее узнал, несмотря на то, что она сильно располнела. Рядом с ней шествовал высокий красавец богатырского телосложения. Грешным делом, я подумал, что этот мужчина - тот самый ревнивец, с которым связаны кровавые картины. Следовательно, я ошибся со своими предсказаниями: Людка жива, здорова и вполне счастлива.

Оказалось, что ее муж – Валентин Курочкин. И она Курочкина уже двенадцать лет. Рядом с ними приплясывали маленькие «курочки», целых четыре, а пятый ждал своего появления на свет.

- Спасибо тебе, - поблагодарила меня Людмила.

- Как вы меня узнали? – спросил я.

- По глазам, - ответила она. – У тебя необыкновенный взгляд, пронзающий не хуже кинжала с длинным лезвием. Даже неуютно становится. Но сбежать не хочется. Ты смотришь на человека и как будто удаляешь злокачественную

опухоль. Сначала боль и непонимание, потом мгновенное облегчение и уверенность.

Люда не ограничилась короткой болтовней «посредине улицы», как она выразилась, схватила меня за руку и затащила в свой уютный дом. Все время называла меня крестным отцом их семьи и благодарила, благодарила. Требовала обращаться к ней на «ты» и называть Людкой, по-домашнему.

От Людки я и узнал, как получила продолжение их подростковая история любви...

В тот же день, в день нашей случайной встречи первого апреля, за которую надо благодарить ее соседа с «нашлепкой» на голове, Людмила отправилась на поиски Валентина Курочкина. Благодаря бывшим одноклассникам, быстро вышла на его след. Валентин освободился раньше срока по амнистии, и уехал в другой город, чтобы начать новую жизнь с чистого листа.

- Я и не предполагала, что все годы любила Валю, - призналась Людмила. – Думала детская любовь, все забылось, оказалось, нет. И Валя меня любил, но не хотел мне мешать. Мать ему рассказала, что я собираюсь замуж, что счастлива. Бабушка моя «похвасталась» при встрече. А потом мы вернулись в наш родной город. Мой бывший жених пытался «вразумить» Валю, но хватило одного мужского разговора по душам. Скис мой бывший, отказался от борьбы... Я не думала, что маленький мальчик-тростинка способен так измениться. Уж не знаю, нашелся бы другой смельчак, который устоял после «первого предупреждения». Мой бывший жених обладал большим умением объяснять с первого раза. Никто с ним не связывался. И я решила – иного пути у меня нет, только под венец с этим ревнивцем. И тут ты появился и напророчил. Спасибо тебе, Валерка. Ели бы не ты, наши дорожки с Валею не сошлись...

Я постоянно перепрыгиваю с одного на другое, не могу иначе – хочется рассказать, исполнились ли мои предсказания-рекомендации, прав я оказался или не прав.

Признаюсь, промахи тоже случались, как без этого. Но уже во время общения с человеком, я это предчувствовал, что-то скреблось в душе.

Или это старуха из кошмара царапала по моей груди своим острым ногтем, предупреждала, просила «придержаться рысаков»... Или не лезть нарожон?..

Но вернемся в тот знаменательный год, год старта новой жизни...

Первомай. Солнце. Зелень. Флаги, транспаранты, ветки с искусственными цветами. Смех, улыбки. Праздник. Нарядные жители города.

Мы квартетом – два мальчика и две девочки - гуляем по праздничному городу. Мы очень счастливы. Внутри ощущение бешеной радости. Безумной. И это никак не связано с моим... превращением из обычного мальчика одиннадцати лет в взрослого мудрого человека, предсказателя.

Впервые я полюбил. Я думал о ней постоянно. Пытался «покопаться» в нашем будущем, но у меня ничего не выходило. Или общего будущего нет, или способность сразу отступала, щадила меня, предоставляла возможность насладиться первой любовью, очуметь, задохнуться и запомнить этот миг навсегда.

Дальше будет продолжение с другими участниками, но этот миг не повторится. Чем старше я буду становиться, тем трогательнее буду вспоминать первую любовь. Нет, не жалеть, не пытаться вернуться в ту точку отсчета, чтобы пойти в другом направлении - историю вспять не повернешь, просто наслаждаться воспоминаниями. Первая любовь. Первые чувства, совсем непонятные, трепет, волнение, незнание.

И надо же было такому случиться, что мое одухотворенно-парящее состояние куда-то подевалось, как будто я упал на землю без парашюта. Не разбился, не пострадал, но опять посмотрел на мир другими глазами. Не просто на мир, а на женщину средних лет, которая стояла у кроки тротуара и «голосовала». Я не успел ничего понять, не докопался до своих предчувствий, а возле нее уже притормозил автомобиль.

Она согнулась и что-то прочирикала водителю. Он ей ответил, женщина не успела сесть в автомобиль, как я уже стоял рядом. Вежливо прихватил ее под локоток и тихим голосом посоветовал:

- Если водитель будет вас чем-то угощать, ни в коем случае не соглашайтесь, ничего у него не берите.

Женщина посмотрела на меня, как на умалишенного, фыркнула и юркнула в салон автомобиля.

Я зафиксировал в памяти номер машины.

Чтобы не обидеть свою подругу, попытался вернуть себе беззаботную радость. Но я непрестанно думал о женщине, которую умчал в неизвестность

водитель, чью личность я так и не успел толком рассмотреть. Так, в общих чертах. Но мне казалось – если его увижу, то сразу узнаю.

Прошло три дня.

Как-то вечером мама читала газету «Вечерний город» и вслух сказала:

- За городом обнаружили труп женщины. Есть фотография. Попросят откликнуться тех, кто ее знает.

Сначала я пропустил сообщение мимо ушей, витал в облаках по случаю недавнего свидания с той, кто мне дороже всех.

Между тем мама продолжала:

- Это уже четвертый подобный случай. Каждый раз недалеко от города находят женский труп без документов, без денег и ценных вещей. И никаких улик, способных помочь следствию.

- Жанна, ты доверчива: не все, что пишут в газетах, правда.

- Ты о трупе за городом?

- Я об уликах. Улики, скорее всего, есть, но о них нам не расскажут, - с умным видом заключил отец и почему-то покосился на меня, словно я был тайным агентом нашей доблестной милиции.

Я вскинул голову и только сейчас заметил в руках матери газету. Мать указывала пальцем на фото, напечатанное в газете на последней странице в разделе «Происшествия».

- А она симпатичная. Глянь, Аркаша.

Аркадий Стопкин, мой отец, без интереса взглянул на фото и кивнул – согласился, что погибшая при жизни была симпатичной.

Я вырвал газету и уставился на снимок отвратительного качества. После чего подхватился и пошел в прихожую, где находился стационарный телефон. Набрал «02», назвал себя и сообщил, что владею информацией о преступлении, о котором напечатали в «Вечерке».

Естественно, родители не оставили без внимания мой гражданский порыв. В ближайшее отделение милиции мы отправились втроем, тем более, дежурный предупредил, чтобы я явился в сопровождении матери или отца.

По дороге предки пытались выудить из меня хотя бы какую-то информацию, но я был сосредоточен и погружен в себя.

В отделении нас сразу провели в кабинет следователя, совсем молодого парня, который старался казаться опытным и возрастным...

Все жертвы были сначала усыплены, потом задушены и ограблены. Моя «знакомая» - не исключение. Снотворным были напичканы шоколадные конфеты – «Вишня в шоколаде».

А я ведь ее предупреждал!

С моей помощью маньяк-убийца был задержан. Следствие шло несколько месяцев. В итоге преступник получил максимальный срок по статье убийство двух и более человек. Как оказалось, он орудовал не только в нашем городе, на его счету оказалось гораздо больше жертв, чем предполагалось вначале. Почерк преступлений был один и тот же. Ума не хватило разнообразить. Или не стремился к разнообразию, играл с огнем...

Мой отец целиком был погружен в работу, чтобы побольше заработать и чтобы мы ни в чем не нуждались. Мать тоже работала, но сын стоял у нее всегда на первом месте. Мать была в курсе всех школьных дел. Поэтому о моих подвигах была наслышана, но слабо в них верила, потому и тему эту не затрагивала. Решила – ребятня развлекается. К серьезным последствиям подобные развлечения не приводят, и то ладно. Но задумчиво-осторожные материнские взгляды я на себе ловил. Отец в «гляделки» со мной не играл, видимо, мать не просветила, поберегла мужа-трудоголика. А дело с маньяком-убийцей отец свел на случай.

Все-таки мама не выдержала – когда похождения ее сына обросли громадным комом в том числе домыслов и слухов, решилась и повела меня к детскому психологу. В то время подобные походы были не в моде, люди самостоятельно разбирались в своих проблемах, без помощи профессионалов, с которыми в то время было не густо: в нашей детской поликлинике, например, таковых специалистов не наблюдалось, пришлось ехать на другой конец города, в областную детскую больницу.

Детским психологом оказалась противная тетка в очках. Очки постоянно съезжали у нее по переносице. Она терпеливо поправляла очки указательным пальцем, задавала дурацкие вопросы и получала не менее дурацкие ответы. Но каждый раз безумно радовалась, как будто я предсказывал ей будущее, сплошь счастливое. Вопросы я точно упомянуть не

смогу, но что-то типа «сколько времен года, сколько месяцев в году» или на тему вершки и корешки – что употреблять в пищу в том или ином случае.

Я быстро выдохся – устал от взросло-профессиональной глупости, и проникновенным голосом произнес:

- Не тем вы занимаетесь.
- В каком смысле?
- Только зря время со мной теряете.
- Ты так думаешь? – усмехнулась тетка-психолог.
- Вы сидите в кабинете, мучаете меня вопросами, и ничего не чувствуете. Точно ничего не чувствуете? На душе тихо и спокойно?
- А что-то произошло? – напряглась тетка.
- Вам срочно надо домой! Спасать надо...

Тетка не дослушала конец фразы, стартовала с места, забыв о пациенте и его сопровождающей. Я проводил ее взглядом и хорошо поставленным голосом проговорил:

- Пять минут полет нормальный.

Мама отвесила мне подзатыльник, тут же сменила гнев на милость – погладила по голове и чмокнула в висок. Опомнилась и подтолкнула меня к выходу.

Я шел, пружиня шаг, и посвистывал, мама порывалась о чем-то меня спросить. Ясно, о чем. Но, видимо, боялась услышать нечто кровожадно-впечатлительное, способное ранить молодой растущий организм. Сообразительный организм этим воспользовался и потребовал мороженого. Мама сразу купила мороженое, усадила меня на скамейку и терпеливо выжидала конца поглощения ледяной сладости.

- Мам, ты о чем-то хочешь спросить? – хитренько поинтересовался я, облизывая пломбир.
- Хочу! – взорвалась она. – Кого надо спасать?
- Кому? – прикинулся я идиотом.
- Ну, ты же сказал в кабинете врача, что ей надо спасать... Кого?
- Я уже и забыл.

Мама дернула меня за руку и потащила на автобусную остановку. Всю дорогу домой она обижалась.

Оказавшись в своем дворе, я проникновенно сообщил, стукнув себя ладошкой по лбу:

- Вспомнил! Очкастой докторше надо спасать... спасать ей надо...

- Господи! Кого ей надо спасать? – разозлилась мама.

- Не кого, а что! – уточнил я. - Брак ей надо спасать!

В то время я и слова-то такого не знал – «брак».

Сначала мать смотрела на меня, как на невиданное говорящее животное, потом припустила к подъезду. Я последовал за ней.

В прихожей мать сразу бросилась к телефону. Я знал, кому она будет звонить – своей близкой подруге, тете Лине, Ангелине Витальевне, даме с обширным кругом знакомых в разных областях. Именно Ангелина Витальевна свела мать с очкастым психологом. С врачом тетя Лина была в приятельских отношениях, но не настолько, чтобы та делилась с ней семейными тайнами. Но был еще один человек-звено, человек, приближенный к докторице, которой я рекомендовали спасать... брак.

Тетя Лина собрала информацию, после чего связалась с Жанной, моей матерью, и в красках поведала историю «спасения». Мама при этом произносила звуки осудительного характера. После разговора мать поспешила к отцу, начав свой монолог словами: «Вот как бывает в семейной жизни», дав понять, что жены обладают чувством предвидения, тем самым переоценив докторицу и позабыв обо мне. Так я подумал. Но в конце вспомнила и обо мне, пусть и вскользь. Отца мало занимала какая-то там докторша, его занимал собственный сын, разбрасывающийся советами.

Диалог велся без моего непосредственного участия. Так считали родители. А я подслушивал. И несколько этого не стыжусь: я обязан знать, прав я оказался или не прав.

Прав! Очкастая тетка застала мужа с любовницей. Муж-изменщик при этом задал вполне резонный вопрос:

- А что ты здесь делаешь? У тебя же сейчас прием в больнице!

Ох и бессовестная тетка - заявила домой не ко времени, в тому же – безответственная – покинула свой пост без разрешения начальства.

Кажется, дело закончилось перемирием. Но перед этим были серьезные разборки. Дама застала мужа в начале действия, к кульминации парочка не успела перейти, муж клялся и божился, что это первый поход налево. Она ему поверила. Хотела поверить и поверила. Таким образом, брак был сохранен.

Не знаю, как бы события развивались далее, если бы не вмешался юный предсказатель. Возможно, муж в итоге совсем бы распоясался, а наблюдательная супруга, профессионал-психолог, запоздало обратила бы внимание на «пробежавшую кошку»... Вопрос – как далеко бы зашли сторонние отношения, и есть ли возможность всё вернуть?..

Не надо говорить, что больше мы к ни к этому, ни к другому детскому психологу не ходили.

Я старался не шокировать своих родителей, дома был тихим послушным мальчиком, коим я, впрочем, всегда и являлся...

Полученная после болезни «особенность», сначала сделала меня человеком, который снисходительно поглядывал на простых смертных, который мучился и страдал от мелочности жизни, который в тайне ликовал после каждой грандиозной победы, и который... с годами стал чаще задумываться – что происходит?

В итоге я замкнулся. Мне надоело быть предсказателем. Я хотел стать прежним – обычным мальчишкой. Хотел развиваться согласно возрасту...

Я мог пойти учиться туда, где мог применить свои способности, параллельно их развить, и понять – кто я есть на самом деле? Чем меня наградила болезнь? Но я поступил иначе – пошел вразрез своему желанию-нежеланию.

Я поступил в колледж, где обучали на автомеханика. Тут тебе и работа руками, тут тебе и работа головой. И заработок неплохой, если есть голова на плечах, и руки растут оттуда, откуда им надо расти. И переключаться на глупости нет времени...

Но слегка слукавлю, если не признаюсь – время от времени я «включаю предсказателя». Нострадамусом мне стать не суждено, а быть помощником человечества в мелких бытовых вопросах я не отказывался...

Почему никогда ранее не задавался вопросом: а желают ли люди знать свое будущее?! Или другой вопрос, более правильный: зачем я лезу к ним со

своими предсказаниями? Тоже мне, Нострадамус нашелся! По сравнению с Нострадамусом, я мелочь пузатая, как мы говорили в детстве.

И что еще странно: когда дело касалось близких и родных людей, у меня срабатывала блокировка предсказательного сознания. И что же получается? Что я обладаю избирательной предсказательностью? Смешно. Было бы смешно, если бы не было так грустно. Почти как в «Джентльменах удачи»: тут помню, тут не помню. А у меня: тут вижу, тут не вижу будущего, ближайшего или в дальнесрочного...

Я все больше и больше замыкаюсь. Становлюсь другим человеком. Хожу по улицам, как затравленный зверь. Или опасный преступник, чья физиономия расклеена на каждом заборе – его разыскивает полиция!

Но никто меня за язык не тянет, никто не просит пороть правду-матку! Успокойся и живи. Как бы не так. У меня начинается словесный понос, если вижу перед собой человека, которому, по моему ясновидящему мнению, требуется помощь: человек не знает, как ему поступить, а тут я, самовыдвиженец в подсказчики.

Что меня гложет? Что я не стал известным человеком? Хотел славы, а получил шиш с маслом! «Слух обо мне пройдет по всей Руси великой, и назовет...»

Идиотом меня назовут и тихо помешанным. Хорошо, что не буйным.

Представляю себе: бегаю я по улицам, хватаю людей за шкурку и пытаюсь внушить, что будет, и успокоится ли сердце. Можно легко нарваться на неприятность с тяжкими телесными повреждениями.

Раньше я об этом не думал. А ведь не всегда говорил лестные для человеческого слуха слова...

Шли годы. Менялась страна. Внешне менялся я. Но в душе оставался замкнутым подростком. Не скажу, что отгородился от всех людей каменной стеной, я общаюсь с коллегами по работе, с клиентами. Иного выхода нет. Заочно получил высшее образование по профилю, и меня сразу повысили – назначили на должность цехового мастера, потом я стал старшим мастером. И голова варит, и руки, если не золотые, то правильные.

Родители поначалу меня не понимали, мечтали, чтобы их сын, что понятно, стал великим психотерапевтом. Со временем смирились с моим выбором. И

даже стали гордиться, когда слушали хвалебные речи в мой адрес из уст наших знакомых, побывавших в автосервисе. Знакомые утверждали, что в городе нет мастера, подобного Валериану Стопкину. Я разберусь в любой архисложной проблеме с автомобилем.

Я намеренно выбрал другую профессию, не поддался родительским уговорам, потому что мне казалось - «последствие» гриппа не навсегда, это временно. Как любое осложнение. Окончательное выздоровление придет, рано или поздно.

Но время шло, выздоровление не приходило. Я тяготился.

Успокаивал себя: дескать, я «работаю» на благо человечества. Высокопарно себя успокаивал, чтобы ощутить свою значимость...

Как-то я забежал к родителям. Давно у них не был, всё дела, дела.

Отделился от родителей несколько лет назад, когда приобрел собственное жилье. Часть денег заработал, на недостающую сумму взял в банке кредит. Мать предлагала забрать к себе бабушку, чтобы я жил в бабушкиной квартире. Тогда и кредит брать не нужно – в кабалу не попадать. Спокойно собирать денежки, чтобы приобрести жилье без всяких кредитов. Но я видел, что моя бодрая бабушка не горит желанием перебираться к дочери, хотя вслух она не озвучила свое нежелание, понимала, что взрослый внук должен жить отдельно от родителей. Глядишь, и «казноба появится», говорила бабушка.

Скорее моя бабуля выскочит замуж, чем я женюсь.

И вот – приехал я как-то к родителям. Мама мне с порога и говорит:

- Жаль, бабушка не смогла приехать. Ей сегодня должны новый холодильник привести. Сказали, после трех. Но заверила, если холодильник привезут не к ночи, обязательно заглянет. Хочет внука увидеть, скучает старушка. Свинтус ты, Валерка, не найдешь минутки бабулю проведать. Ведь знаешь, что у нее возраст опасный. Понимаешь, о чем я тебе толкую.

- Мам, я свинтус, - задумчиво согласился я.

- Что не так? – настороженно поинтересовался старший Стопкин.

- Я суп пересолила, - вставила мать.

- А я тебе говорил, - укоризненно заметил отец.

- Валерик, что произошло? – забеспокоилась мама. - Что-то на работе? Или со здоровьем не так? Ты говори, мы с отцом всё должны знать. Кто тебе поможет, если не близкие и родные люди.

- Бабушка не говорила, что собирается покупать холодильник. Никогда не жаловалась, что прежний холодильник барахлит. Почему меня не попросила ей помочь?

- А я сказала: ей должны привести? Я ошиблась. Соседка ее, тетя Валя, купила холодильник, старый приказал долго жить. А у тети Вали внучка замуж выходит. Сначала назначили свадьбу на пятнадцатое, а потом перенесли на неделю раньше. Ее жениху, в смысле почти мужу, надо уезжать в срочную командировку. Он служит в МЧС. А тетя Валя с холодильником затеялась. А внучка звонит и говорит: Приезжай бабуля! Не приедешь, обижусь!» Как не поехать на свадьбу любимой внучки, тем более за ней машину прислали. Обещала вернуться через три дня. Позвонила в магазин бытовой техники, где холодильник покупала, и спросила, может ли кто-то вместо нее холодильник получить? Ей ответили, можно, но надо иметь на руках товарный чек из магазина. Наша бабушка согласилась принять холодильник. И вот теперь сидит и ждет. Надеюсь, что доставят быстро, и она к нам присоединится.

- Если не успеет, я сам к ней подскачу, - пробормотал я с таким видом, будто знаю нечто плохое, и неумело пытаюсь это плохое скрыть.

- Валериан! – торжественно вступила мать, - говори, что с бабушкой?! Я же вижу, что ты...

- Мама! – не менее торжественно промолвил я, - с бабушкой все в порядке. Тем более, ты знаешь, что чуйка на родных не срабатывает.

- Чуйка, - хмыкнула мать, - слово-то какое подобрал.

Родители тревожно поглядывали на меня. Я расправился с супом и молча приступил к пельменям, обильно поливая их сметаной.

- Тетя Валя? Автокатастрофа? – онемевшими губами спросила мать.

- Жанна, не каркай! – взвился отец.

- Аркадий, тебе лучше помолчать, - предупредительно выпалила супруга.

- В кои-то веки к нам пришел сын, а ты... бур-бур-бур, бур-бур-бур.

- Я не бурильная машина, чтобы делать бур-бур-бур...

Милая перепалка родителей, обожавших друг друга уже тридцать с лишним лет, всегда меня убаюкивала. Вот и сейчас я сладко зевнул.

- Видишь, Жанна, наш мальчик просто устал, он очень много работает. Пришел к нам, чтобы отдохнуть, расслабиться, а ты устраиваешь допрос, цепляешься к нему. Ну, ни минуты покоя!

- Я мать! Я чувствую, что с моим сыном что-то происходит. И обязана знать правду.

- Ко мне... ЭТО не имеет никакого отношения, - промямлил я.

- А к кому имеет? – резонно поинтересовалась мама. И в ожидании ответа застыла с очередной порциейпельменей для меня.

Я почувствовала себя коммунистом на допросе у фашистов.

Жанна Стопкина сорвалась с места со словами: «Пойду позвоню маме и все выясню!»

Ее мать, моя бабушка, спокойно смотрела телевизор в ожидании доставки нового холодильника для своей приятельницы и соседки в одном лице. Подружки часто помогали друг другу. На этот раз Валентине понадобилась помощь моей бабушки.

Бабуля заверила, что чувствует себя превосходно, а если к ней забежит любимый внук, то будет великолепно. Что с Валентиной? С Валентиной все в порядке. Доехала до места без приключений и с готовностью включилась в подготовку к важному событию, о чем доложила по телефону. Обе восьмидесятилетние старушки выглядели, максимум, лет на семьдесят.

Мама вернулась в столовую и пересказала то, о чем мы с отцом и так уже догадались. Но беспокойство ее не покинуло. Она заглядывала мне в глаза и изображала всеми покинутую царственную особу. В итоге не выдержала:

- Валериан, а все вижу по твоим глазам.

Ну вот опять о глазах! И что в них такого загадочного?! Неужели Людка была права?

Я выпил две чашки чаю с яблочным пирогом, для успокоения родителей сыграл с отцом две партии в шахматы. Проиграл, что послужило матери доказательством, что со мной что-то не так.

Со мной давно что-то не так, уже двадцать четыре года...

Да, с той поры минула почти четверть века.

Я уже старик тридцать пяти лет. Без жены, без семьи.

Почему же без семьи. Моя семья – мать, отец, бабушка...

Бабушка... Надо прекращать театр одного актера и лететь к бабule. Пока не поздно...

Но я точно знал, что время у меня еще есть, иначе я бы не занимался кревоугодием, разговорами и игрой в шахматы...

И опять месяц апрель. Кто-то женится, кто-то покупает новую габаритную бытовую технику, кто-то испытывает родителей на прочность и не понимает, что должно произойти...

Но точно знает, что обязательно разберется на месте, и что его ближайшей дорогой родственнице восьмидесяти лет отроду опасность не угрожает...

Бабуля попыталась накормить меня борщом, я постучал по своему животу, под завязку забитому супом, домашними пельменями и пирогом.

Но все равно мы уселись пить чай, «без ничего». Мирно разговаривали, в основном обсуждали мою холостяцкую жизнь. Бабуля осуждала, я соглашался, но от помощи свахи отказывался.

Засевшее внутри меня непонимание дало о себе знать «кошкодральным» душевным дискомфортом. И появилось покалывание в кончиках пальцев. Подобная «подсказка» впервые случилась года два назад, раньше покалываний я не ощущал. Взрослею...

На улице было тепло, а отопление в квартире еще не отключили, поэтому все форточки были распахнуты. Со двора слышались гремяще-лязгающие звуки.

Бабушка меня опередила, выглянула из окна и оповестила о прибытии доставки.

Меня «пригвоздили» к стулу. Я чувствовал, что нельзя показываться на глаза грузчикам.

Слышал, как бабушка открыла квартиру тети Вали, как обменивается репликами, требуя показать «товар лицом». Мужской голос сообщил, что

покупательница проверила холодильник на предмет царапин и вмятин, была удовлетворена и просила без нее не вскрывать.

Я не видел, но догадался, что бабушка передернула плечами. Давнишняя привычка у нее такая, проявляющаяся каждый раз, когда чем-то недовольна или не понимает чьих-то действий.

- Эй, ребята! - воскликнула бабушка, - а что это вы привезли? В паспорте написано одно, на коробке – другое. Вы привезли другой холодильник!

- Перепутали, - вздохнул грузчик. – Склад уже закрыт, мы завтра к вам подъедем, произведем замену. Устроит?

- Выхода нет. Но вы не подведете?

- Нет, конечно. Нам ваша подпись требуется. А раз подписи нет, то мы свою работу не выполнили. Тем более, мы вам в залог оставляем холодильник.

Грузчики попрощались до завтра и загрохотали своими башмаками по подъезду.

Бабушка о них сразу забыла – в гостях любимый и единственный внук. Я почувствовал себя свинтусом в квадрате. Мать была права, только приуменьшила значения.

Я пробыл у бабушки достаточно долго. Уходя, «случайно» прихватил ключи от квартиры тети Вали. Ключи висели на крючке в прихожей.

Вернулся ближе к ночи. И не один, с двумя приятеля, которые занимались любительским боксом. Взял их для подстраховки.

В доме было тихо, некоторые жильцы уже почивали, другие только собирались. Я был уверен, что ВСЁ начнется именно поздним вечером, когда народ угомонится. И точно знал, что преступнику спешить некуда. А мы должны застать его на месте преступления с поличным.

С величайшей осторожностью проникли в квартиру, чтобы не спугнуть.

И я сразу понял, что действие началось: коробка-упаковка от холодильника была пуста. Человек, не сей поры сидевший внутри, приступил к «работе». После «работы» он спокойно вернулся бы в свою коробку, а завтра его обменяли на настоящий холодильник. В краже обвинили бы мою бабушку: только у нее были ключи от квартиры. Замок не вскрывали отмычкой, применили «родные» ключи...

Один мой приятель остался у входной двери, чтобы злоумышленник не скрылся. Я двинулся в сторону кухни, другой мой приятель, самый представительный из нас - гроза преступного мира, направил стопы в единственную комнату. Расчет оказался верным – некогда сидевший в «картоне заточении» малец рыскал по шкафам.

У тети Вали было чем поживиться: она работала в «горячем» цехе, на вредном производстве, в свое время получала хорошую зарплату, а теперь – хорошую пенсию, о чем постоянно хвасталась кому надо и кому не надо. И дети, тоже небедные люди, ее баловали ценными подарками – старушка любила дорогие безделушки, что возмущало мою бабушку: «И зачем ей в нашем старческом возрасте золото-серебро?» Но когда я на недавнее восьмидесятилетие подарил ей симпатичные сережки, пустила слезу от счастья и умиления.

Гроза преступного мира быстро разобрался со своим подопечным, скрутил, тот даже пискнуть не успел. После чего мы вызвали полицию. В итоге, вместе с преступником чуть не загребли в каталажку и нас, внештатных помощников. Но быстро разобрались...

После завершения операции по «защите чужих ценностей», я провел беспокойную ночь. Естественно, был возбужден – ни разу не участвовал в подобных операциях благодаря своему предчувствию, чуйке. Что-то саднило у меня внутри. Не глобально, чуть-чуть.

Как узнал позже, внучка тети Вали, невеста, неудачно отхватила кусок от свадебного караваея, в итоге вывихнула челюсть. Челюсть вправили, но осадочек остался – и челюсть побаливала, и народ нашел причину для подтрунивания.

Если бы основная «заноза» - предстоящее похищение имущества тети Вали - меня не беспокоила, я бы прочувствовал вывих челюсти, позвонил и предупредил.

Мораль: не кусайте, девушки, хлебные караваи на своих свадьбах. А если кусаете, то не усердствуйте...

А новый холодильник тете Вале все же привезли...

Минуло полгода.

В моем доме, в новостройке, соседи еще не перезнакомились. Кто-то здоровался при встрече, кто-то проходил мимо. Вот и думай, это твой сосед или гость? Я не заморачивался по этому поводу, здоровался со всеми подряд, но кто в какой квартире живет, не знал. Соседи по лестничной площадке вселялись долго. Целый год я жил один – царствовал, потом стали ремонтировать и въезжать на свою жилплощадь практически одновременно остальные жильцы.

Ежедневно я вскрывал почтовый ящик и выуживал из него стопку рекламных листов. Недавно распространители рекламных прокламаций перешли на новую ступень: развесили картонки-рекламки на ручки дверей. Картонки имели для этого специальную форму – форму вешалки. Я безропотно собрал «вешалки» со всех дверей моей лестничной клетки и выбросил в контейнер на улице. Провел сбор макулатуры с одной целью – с целью борьбы с мусором в определенном месте нашего подъезда - на своем этаже. Еще не хватало бегать по всем этажам и проводить чистки!

Но целый день эти «вешалки» с ненужной лично мне информацией не давали покоя. Мысленно я постоянно возвращался в утро и почти ощущал в своих ладонях глянцевый кусок картона определенной формы. И зачем они мне сдались? Раньше не замечал за собой такого пристального интереса к сфере рекламы. Но не реклама, как таковая, меня беспокоила, а что-то связанное с ней.

Вернувшись домой достаточно поздно, я не поленился и пошел на свой десятый этаж пешком. Где-то рекламки валялись на кафельном полу, где-то так и остались ждать хозяев – висели на ручке, где-то было чисто - от рекламок ни следа. Видимо, некий жилец повторил мои действия.

На всякий случай я подобрал один источник рекламной информации и узнал, что наш дом подключен к одной известной кабельной сети. Ничего сверхъестественного, все привычно и обычно. Тогда почему меня терзают сомнения, мое воображение будоражат картинки криминальной направленности?

Ночью я спал как убитый, но едва открыл глаза, воображение заработало с прежней силой.

На этот раз мой спуск на первый этаж прошел без участия лифта. О чем я пожалел: постоянно встречаюсь с молодой женщиной, очень симпатичной и приветливой. Утренняя поездка в лифе тет-а-тет заряжает меня энергией на весь день. Знал, что женщина замужем, что у нее растет дочь, но я не строил

планов касательно нее, просто мне было приятно прокатиться вместе с ней в лифте, поболтать, вдохнуть аромат ее необыкновенных духов. Голос у нее тоже был необыкновенный, голос-звонок, не раздражитель.

Я вспомнил, что вчера тоже ее не видел. Так увлекся сбором рекламных «вешалок», что позабыл о нашем приятном, но, увы, таком коротком, совместном времяпровождении. Продлить наше... хм... свидание, договориться о randevu, у меня и в мыслях не было. Женщина замужем! А жаль. Впервые за долгие годы меня заинтересовала представительница прекрасного пола.

С ее мужем я тоже был знаком, но кроме здрасте-до свидания, дело дальше не заходило. И незачем. Мне нравится... на расстоянии его супруга, без всяких задних мыслей.

Я вышел из подъезда и покрутил головой в поисках автомобиля своей знакомой. Автомобиль на положенном месте отсутствовал.

Я вернулся в холл, набрался смелости в смеси с наглостью и спросил о ней консьержку. Говорливая пожилая дама поведала мне, что «дама сердца» вместе с дочкой и мужем отбыли в отпуск. Куда именно, она не знает, но путешествуют по России. Внутри меня дала о себе знать заноза. Коготь бабки Яги привычно протаранил мою грудь и занес инфекцию. Готовься, милый друг, к воспалению с продолжением - мучительному процессу поиска причины появления бабки, нарушительницы моего спокойствия...

Просто так от говорливой консьержки не отделаешься - стоит только зацепить и понеслась.

Я медленно от нее отступал, пятился ракообразно, краем уха слышал, как кто-то появился в холле, не рассчитал свои поползновения задом и наткнулся на преграду. Преградой, он же пострадавшим от наезда в прямом смысле, оказался жилец нашего дома. Кажется, он жил на втором этаже, поэтому всегда спускался пешком. Подмышкой мужчина держал ноутбук. При нашей неожиданной стыковке, едва не выронил из рук свою ношу. Успел придержать, а я тут же извинился.

- Вот, везу в сервис, - пожаловался он и показал мне и консьержке вышедший из строя ноутбук. – Долго мне прослужил верой и правдой, но жаль расставаться с ним. Вдруг повезет и починят.

- Попытка не пытка, - проговорил я без всяких эмоций...

Кончики моих пальцев сразу отреагировали – началось покалывание, как при сдавливании руки в одном положении, без привычного кровообращения. Своего рода анемия. Осталось выяснить, на что именно произошла реакция: на самого жильца со второго этажа или на его вышедшую из строя вещь.

Понятно одно – я у цели.

В детстве мы бы сказали – горячо: я близко подобрался к терзающей меня теме. Но как связать рекламные «вешалки», постороннего мужчину и его ноутбук? Связь должна быть...

Вечером я вновь поднимался на десятый этаж без лифта. На ручках некоторых дверей висели рекламы, в том числе на ручке квартирной двери моей знакомой. Она жила на девятом этаже.

Чего скрывать: я каждое утро ждал, когда она выйдет из квартиры, тотчас нырять в лифт, она перехватывала лифт на своем этаже. Мы спускались вниз вместе. Я возвращался в прошлое – испытывал похожие эмоции, как в детстве, когда прогуливался по первомайского городу вместе со своей одноклассницей. Похожие, но не такие...

Всё, что повторяется, принимаешь восторженно, но с менее безумным ликованием...

Итак, на ручке двери дамы моего сердца висела рекламка. Я приложил ухо к двери и прислушался.

Вечернее время всегда было насыщено передвижениями по подъезду – народ возвращался с работы. Дети громко рассказывали о своих достижениях в школе и в детском саду и просились «немножко погулять, капельку». Родители не менее громко – чтобы до детей дошло – перечисляли план работы на предстоящий вечер. В план включались все дела семьи, включая детей.

В связи с повышенной громкостью я с трудом различил тихие звуки в интересующей меня квартире. Насколько я осведомлен, благодаря говорливой консьержке, в квартире никого не должно быть, хозяева отбыли в неизвестном направлении и вернуться не раньше, чем через неделю. Так сказала дама из холла.

Я осторожно надавил на ручку, дверь поддалась и моему взору предстал парень в спецодежде, который прижимал к себе ноутбук.

- Атаc! - заорал он и попытался взять дверь штурмом, я занял оборону, но не учел, что у парня есть сообщник, которому он и адресовал свое предупреждение.

Сообщник воспользовался моей сосредоточенностью на одном воришке и прошмыгнул у меня между ног. Его сообщник, который первым попался мне на глаза, был задержан. Я связал ему руки поясом от женского плаща, скорее всего принадлежавшим хозяйке квартиры, мужским кожаным ремнем сковал ноги и позвонил ничего не подозревающей консьержке, та вызвала наряд полиции.

Следственной группе говорливая особа доложила, что двое парней приходили в квартиру, в «которую постоянно шастают всякие ремонтники». В связи с чем и вопросы к ним не возникли. Об этой квартире знают все жильцы, потому что грохочут в ней с азартным фанатизмом с коротким перерывом на сон. Всё остальное время портят соседям нервную систему. Не все соседи терпят, и как тут вытерпеть, если тебя «развлекают» практически без перерыва. Каких-то восьми часов – с одиннадцати до семи - недостаточно.

Как мне удалось узнать у следователя гораздо позже, задержанный мною парень не выдал своего подельника. Заявил, что был один. Ни я, ни консьержка не смогли описать парня, пулей пролетевшего у меня между ног.

А хозяевам пришлось прервать отпуск. Как оказалось, воришки не успели ничего украсть, я им помешал.

Хозяева были посвящены в мои подвиги, причем без моего участия - и без меня им было кому порассказать. В знак благодарности хозяин, муж моей дамы сердца, пригласил меня в ресторан. Мы отлично посидели в ресторане втроем. Не надо подключать сверхъестественные способности, чтобы понять – эти двое любят друг друга, а мне нечего «ловить»...

В октябре я познакомился с прекрасной девушкой.

Дело было так.

Я подъехал к дому, припарковал автомобиль, уже направился к подъезду и тут вспомнил, что у меня в холодильнике «мышь повесилась». Я ежедневно заглядываю в ближайший круглосуточный магазин, чтобы что-то прикупить из продуктов. Но на этой неделе изменил своей привычке. К пятнице, как говорится, дошел до ручки.

На улице накрапывал мелкий дождь-сеятель, но ничего не поделаешь, надо забежать в магазин, что-нибудь купить на ужин и на завтрак. Завтра у меня выходной, тогда я оторвусь по полной – поеду в гипермаркет и загрузу свой объемный холодильник под завязку.

До магазина было рукой подать – завернуть за угол дома, пройти двадцать метров и конец маршрута.

До ближайшего крупного торгового центра путь не ближний, поэтому магазинчик являлся спасением для жителей ближайших домов. Полки с продуктами быстро расчищались, потому и продукты были всегда свежими.

Я быстро закупился всем необходимым, и вышел на улицу. На мое счастье дождь, ливший с разной степенью интенсивности, устал от полива и ушел на покой. Плохое освещение позволило мне промочить ноги – глубокие лужи как обычно прятались в темноте. Я уже достиг своего дома, когда услышал между двумя одинокими гаражами, предназначенными для автолюбителей-инвалидов, тисканье и вскрики. Я стараюсь всегда прийти людям на помощь. Не всегда получаю благодарность, но это уже другая история.

В темноте я с трудом разглядел две фигуры. Одну повыше, другую пониже. Та, что пониже, выкручивалась и повизгивала, а та, что повыше, пыталась сотворить злодеяние известного характера. Время было позднее, добрые люди давно сидели по домам, ужинали и смотрели телевизор, а кое-кто давно почивал. Один я припозднился и чуть не остался без ужина и завтрака. И благодаря нежеланию умереть голодной смертью, девушка не пострадала. Жаль, ее обидчик смог улизнуть.

Девушку так трясло и колотило, что я испугался за ее зубы. Она не стала спорить и пошла за мной без уговоров.

Долго приводила себя в порядок в ванной. Я слышал, как она звонила маме и говорила, что задерживается. С ней все хорошо, пусть мама не переживает. Она ей еще позвонит, позже.

Девушка вышла из ванной с видом побитой собаки, нервно кутаясь в мой махровый халат. Снова принялась меня благодарить, я усадил ее за стол, насильно накормил жареной картошкой с соленым огурцом, а потом мы пили чай с медовыми пряниками. Последствие полученного шока вышло ординарным – девушка начала клевать носом прямо за столом. Я отвел ее в комнату и уложил в свою кровать.

Сам вернулся на кухню, долго мыл посуду и думал о том, что впервые в моей холостяцкой квартире ночует женщина. Все встречи с женским полом проходили или на нейтральной территории, или на «женской» территории, к себе я никого не приглашал. Не хотел. Сейчас я испытывал удовлетворение, как испытывает удовлетворение человек от любимой работы с положительным результатом. Якобы не тяготившее меня одиночество куда-то испарилось, ему на смену пришло тихое ликование - теперь я не буду один.

Утром при дневном свете я хорошо рассмотрел свою неожиданную гостью. Чуть больше двадцати пяти, высокая, худощавая, но не костлявая, всё при ней. Ноги длинные, талия тонкая, глаза большие, но не кукольные. И взгляд не пустой, не глупый.

Она назвалась Ритой. И рассмеялась – вчера за всеми событиями мы забыли познакомиться. Мы позавтракали, и она собралась уходить. Я предложил довести ее до дома, она согласилась.

По дороге Рита хотела мне рассказать о событии прошедшей ночи – как она оказалась в нашем районе, но я пресек воспоминания на корню – не хочу, чтобы она опять страдала.

Рита дала мне номер своего телефона предложила «звонить в любое время».

И я позвонил через пятнадцать минут после расставания.

Чтобы узнать, не ругалась ли ее мать.

Мы поболтали как двое близких друзей. В завершении я предложил встретиться вечером.

Мы встретились, погуляли в парке, замерзли и зашли в кафе погреться.

Я очень хотел предложить ей поехать ко мне. Но сдержался. Не спеши!

Я вызвал такси и доставил Риту к дому. Вышел вслед за ней.

- Отпусти такси, давай еще немного пройдемся, - предложила девушка.

Я согласился с большой радостью.

Мы бродили туда-сюда по освещенной аллее. Рита часто поглядывала на часы, объясняя:

- Скоро вернется с работы мама, хочу успеть домой до ее возвращения.

- Боишься порки? – усмехнулся я.

- Всего лишь забота о близком человеке. Я и без того заставила ее поволноваться, когда не пришла ночевать. Она мне звонила, а у меня, как назло, мобильный разрядился.

- Рита, мы завтра встретимся?

- Ты этого хочешь?

- Очень хочу. А ты?

- Тоже...

Я не предчувствовал беды. Потому как эта девушка стала мне родным человеком.

И получив сильный удар по голове, успел удивиться...

Когда я открыл глаза, то понял, что нахожусь в больничной палате. Рядом кто-то сидел, не разобрать - пока зрение было «туманным». По ошибке решил, что это мать. Кто же еще! Других близких у меня нет.

Этим человеком оказалась моя давняя знакомая, Людка. Да-да, рядом с моей кроватью, на стуле сидела Людмила Курочкина и пытливо смотрела на меня.

- Пытаешься понять, не сошел ли с ума? Не сошел. Я тебя узнал.

- Как себя чувствуешь, Валерка? – спросила она, назвав меня как тогда, в детстве, и как при второй встрече. Мое имя в привычной форме выходило у нее по-особенному, как будто она обращалась ко мне уменьшительно-ласкательно.

- Отлично, - покривил я душой.

- Так я и поверила, - хмыкнула Людка. Для меня – Людка, мне было позволено так ее называть.

- Если честно, то голова весит тонну, не меньше, а так вполне себе ничего. А как ты здесь оказалась?

- Долг платежом красен, - замысловато выразилась она. – Когда-то ты мне помог, спас меня от бандита, теперь я тебе помогла. Но главная заслуга в твоём спасении принадлежит моей дочери, моей старшенькой. Помнишь ее?

- Мама, ну чего ты прицепилась к больному человеку, - тихо возмутилась та самая старшенькая, вынырнув откуда-то сбоку. Когда я видел ее последний раз, она была нескладной пигалицей.

Гадкий утенок успел превратиться в прекрасного лебедя.

- Глаша возвращалась с занятий, - продолжала деловито докладывать Людка. – И вдруг видит...

- Я заметила на углу дома мужчину и женщину, - перебила свою мать Глафира Курочкина, дочь Людмилы и Валентина. – Потом появился еще один человек. Этот третий подкрался сзади к тому мужчине, что был с женщиной, и ударил его по голове. Чем, не сообразила. Вообще, сначала не заметила, что у него в руках что-то есть. Я закричала, думала, что опасность грозит и спутнице пострадавшего. Надеюсь, что нападавший испугается шума, появления свидетелей и сразу сбежит. Он сбежал, но не сразу. Стоял, смотрел на меня и... что самое удивительное, переговаривался с девушкой. Девушка его в чем-то убеждала. В итоге он кивнул – согласился, и они вместе побежали к дороге. На обочине их поджидал автомобиль. Он сел за руль, она – на пассажирское сидение, и... они уехали. Я подбежала к вам... Вы были без сознания. И крови было сто-о-олько, что я подумала, вы... вы умерли. Проверила пульс, позвонила в «скорую» и маме тоже позвонила. Мама выскочила на улицу. Мы вместе ждали машину скорой помощи и пытались остановить кровотечение из головы...

Позже я узнал, что своевременная помощь, оказанная Людкой и Глашей, спасла мне жизнь...

Преступников задержали. Ими оказались родные брат и сестра.

Парень давно «заимел на меня зуб». Нападавшим оказался «холодильных дел мастер». За сотрудничество со следствием его приговорили к двум годам лишения свободы условно. Это время он проводил с пользой: обворовывал квартиры мирных граждан, которые решили провести отпуск вне собственного дома. Для этого преступник и его подельник, задержанный с моей помощью, использовали все имеющиеся способы. Идеи из них фонтанировали. Как говорится - твоя энергия да в мирных целях.

Рекламки-вешалки парень увидел в своем доме. Увидел и «созрел» на новое преступление. Рекламки трудолюбиво собрал и развесил в другом месте. Для этого выбрал новостройку, в которой «туда-сюда шастают

ремонтники», как обмолвилась консьержка. Задержалась реклама – значит, хозяева в отъезде. Можно действовать.

Как назло, я постоянно оказываюсь свидетелем и главной помехой.

Чтобы избавиться от помехи раз и навсегда, привлек свою старшую сестру. На самом деле сестру звали Мирослава. А ее фонтанирующего идеями братца – Валерианом. Думал, просто тезка. Не более того.

Мир, как оказалось, тесен. Я узнал об этом, когда ко мне в больничную палату пришла бабушка Валериана. Пришла за внука просить. Я ее сразу узнал, несмотря на то, что минула почти четверть века.

Хотела, чтобы я забрал заявление. Можно подумать, следователь просто так закроет уголовное дело. Это тебе не деньги по карманам тырить. С этого все и началось, когда «милому мальчику» исполнилось всего-то девять лет. А потом пошло-поехало.

Я отказал бабушке «милого внука». Бабушка винила себя – не усмотрела, слишком любила, баловала.

Получается – я «породил», в какой-то степени, Валериана, я его и...

Нисколько не жалею о своем поступке.

После того случая с нападением, я перестал быть Нострадамусом в мелочах. Последствие гриппа исчезло, будто его и не было. Радоваться или огорчаться? Не задумываюсь над этим. Живу себе и живу, спокойно, без участия в чужой жизни. Как-то быстро обо всем забылось... Не прижилось во мне «осложнение» после гриппа. Выздоровел.

А хотел выздоравливать? Скорее, да, чем нет.

Честно сказать – «осложнение» меня всегда тяготило, даже в минуты торжества. Неуверенность тоже присутствовала: постоянно задавался вопросом «а вдруг неправильно напророчил, что тогда?»

Я боялся признаться Людке, что полюбил ее дочь Глафиру сразу и навсегда. Думал, скажет – разница в возрасте, то, се... Разница, действительно, немалая - двенадцать лет.

И небольшая. Так Людка сказала. И добавила:

- Мужчина должен быть старше своей жены жены.

И с любовью посмотрела на мужа-ровесника.

Интересно, я могу по-прежнему называть ее Людкой? Или теперь в наших отношениях произошли перемены? Все-таки, теща - зять. И друзья. Были, есть и надеюсь ими останемся.

Поэтому она для меня Людка. Без посторонних. А при посторонних – Людмила. Или Людмила Николаевна...

Свадьбу мы сыграли в апреле. Я считаю этот месяц знаковым для меня.

Но Глаша переехала ко мне еще перед Новым годом. И расписывались мы зная, что через семь месяцев у нас родится ребенок. Или двое. Хочу мальчика и девочку. Двойню хочу.

Надеюсь они не пойдут по стопам своего отца и не заболеют гриппом «с осложнением»...

Но никто от этого не застрахован... Поживем-увидим...

Март 2017года